

Дэвид ЛИНЧ:

Профессия —
режиссер

В то время как в России снова показывают «Твин Пикс», в Америке выходит в прокат новый фильм Дэвида Линча «Аллея Малхолланд» — черный детектив о загадках любви и преступлениях во имя страсти. Впрочем, «новый» — не совсем подходящее слово. Линч начал работу над «Аллеей Малхолланд» в 1999 году. Вначале «Аллея...» снималась как пилотный выпуск сериала для телеканала ABC. Но чиновники на ABC, посмотрев «Аллею...», решили не запускать сериал, и материал два года провалялся на полке.

В 2001 году маэстро коренным образом переработал «Аллею Малхолланд» и представил ее на Каннском фестивале, где фильм получил премию за лучшую режиссуру.

В настоящее время Линч живет на Голливудских холмах в так называемой Пещере Летучей Мыши — трех домах, где расположились его офисы и жилые помещения. Спутницей жизни Линча является Мэри Суини — сценарист, монтажер, продюсер его фильмов, мать его 9-летнего сына. От предыдущих браков у Линча двое детей, в том числе дочь Дженифер Чеймберс Линч, которая поставила фильм «Елена в коробке».

— Вы такой же мрачный, как ваши фильмы?

— Нет, я почти всегда доволен жизнью.

— Почему же ваши фильмы такие мрачные?

— Я люблю мысленно отправляться в другие места. Мысленно, но не физически.

— Была ли в телевизионной версии «Аллеи Малхолланд» лесбийская любовь?

— Мне трудно ответить на этот вопрос. Кое-что подразумевалось. Зрителю не стоит знать подробности — что раньше было, чего не было. Оглядываясь назад, я чувствую, что всегда хотел, чтобы «Аллея Малхолланд» была именно такой. Но какая идея пришла мне в голову первой, я не помню.

— Вы тестировали много актрис, подбирая исполнительниц двух главных женских ролей?

— Обычно я подбираю актеров сначала по фотографиям, а потом беседе с ними или смотрю их на видео, слушаю, как они разговаривают. Я никогда не прошу актеров сыграть сцену из фильма. Я смотрю им в глаза и слушаю их голоса. Конечно, прежде чем утвердить их на роль, я обязательно с ними встречаюсь. Эта встреча либо усиливает впечатление, либо аннулирует его. Обычно — усиливает. Окончательное решение я принимаю после беседы.

— Насколько открыта для интерпретаций «Аллея Малхолланд»?

— Все произведения открыты для интерпретаций. Но этот фильм, на мой взгляд, довольно специфический. Мне бы не хотелось говорить, что я о нем думаю. Это так прекрасно — когда человек смотрит фильм и сам приходит к какому-то мнению на его счет. Это самое прекрасное об абстрактном, а зритель увидит в нем что-то конкретное, наполнит его своим смыслом.

— Какие фильмы вы любите?

— Недавно я снова вспоминал «8 1/2» Феллини. Этот фильм можно смотреть много раз и всегда находить в нем

что-то новое. Некоторых людей он бесит, но мне он очень нравится.

— Можно ли назвать «Аллею Малхолланд» сюрреалистическим фильмом?

— В этом фильме есть кое-какие вещи, о которых интересно подумать. Все показанное в фильме имеет смысл. А если кто-нибудь поможет мне понять этот смысл, я буду ему премного благодарен! (Смех).

— С какими намерениями вы снимаете кино? Вызвать в людях чувства? Заставить их задуматься?

— За моими фильмами стоят только идеи. Я не знаю, откуда они приходят, но мне кажется, что где-то раскинулся безбрежный океан идей, и иногда, если нам повезет, мы можем поймать какие-то идеи и влюбиться в них. И тогда нашей главной работой становится сохранение верности этим идеям при попытке перенесения на тот или иной информационный носитель. В моем случае — киноленту.

— Вы всегда записываете идеи, когда бы они ни пришли?

— Да, иначе все забывается. Иногда идеи начинаются с крохотных фрагментов, и такие фрагменты очень ценны. Как правило, это что-то, что волнует. Тебя словно ударяет ток. Этот фрагмент идеи становится магнитом, который притягивает другие кусочки головоломки, и вдруг у тебя получается целая история. Если повезет.

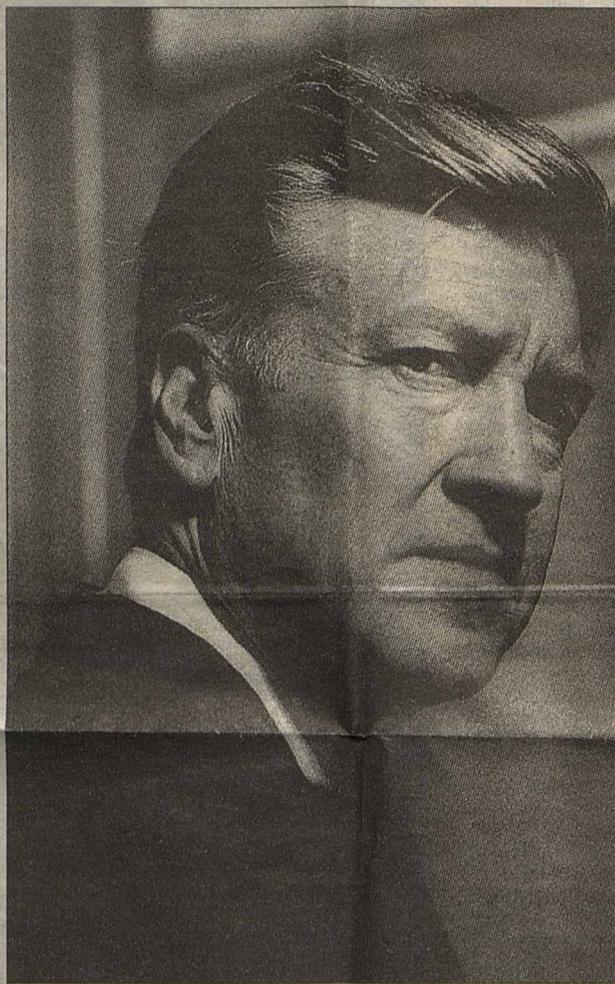
— Вы записываете идеи на любой бумаге, какая подвернется под руку?

— Я записываю на маленьких кусочках бумаги, а потом стараюсь положить ее в нужное место. Иногда я копаюсь в бумагах, ищу что-то и пролистываю все бумажки, которые у меня сохранились. Никогда не знаешь, какая из них пригодится тебе завтра.

— Именно так и получилось с «Аллеей Малхолланд»?

— Этот фильм собирался из многих кусочков, он путешествовал по моим мозгам своей странной дорогой. Он начался как пилотный выпуск сериала, но потом изменился. Но он смог измениться только благодаря притоку новых идей. Однажды вечером я сидел, и ко мне начали приходить эти идеи. Это было самым захватывающим моментом работы. Открытый финал вдруг превратился в завершенный, все точки над и оказались расставлены. В первоначальной версии многое висело в воздухе, от каждой сюжетной линии тянулись ниточки в бесконечность. Все, что мы сделали раньше, пришлось реструктурировать и переосмыслить в совершенно ином ключе.

— Однажды вы сказали: «Жизнь очень сложна, поэтому фильмам тоже можно позволить быть сложными».

Сьюзен ХОУАРД

— Когда вы ходите по улице или по дому, на поверхности окружающие вас вещи кажутся не такими, какие они внутри. Но мы знаем, что внутри они другие. Это ощущение интуитивно. Нас не волнует, что мы не понимаем чего-то из происходящего вокруг нас. Но в кино люди почему-то хотят обязательно понимать все до последней детали и иметь объяснения по всем статьям. По-моему, гораздо интереснее, когда какие-то вещи остаются непонятными или абстрактными. Язык кино особенно прекрасен для разговора об абстракциях.

— Значит, ваш лозунг — верность себе в ущерб коммерции?

— Я был бы рад, если бы толпы народа побежали смотреть «Аллею Малхолланд». Мне хотелось бы сделать коммерческий фильм, но мне гораздо важнее сделать фильм, в который я верю.

— Вы обращаете внимание на то, что говорят критики?

— Нет. Я бы принял конструктивную критику, но сегодняшние рецензии — хлесткие, злые и поверхностные. Подвергать себя их атаке опасно.

— Когда вы выпускаете фильмы, вы чувствуете себя уязвимым?

— Для меня фильм закончен в тот момент, когда его смотрит публика. После этого я уже ничего не могу контроли-

ровать. Это очень болезненная вещь — отдавать фильм публике. Красота — в работе над фильмом.

— Вам хотелось бы получить «Оскар»?

— Когда я работаю, я получаю удовольствие от самой работы. Как говорится, нужно смотреть на пончик, а не на дырку в пончике. Таким пончиком является для меня работа.

— В ваших фильмах постоянно всплывают одни и те же темы. Почему?

— Это как женщины. Кому-то больше нравятся брюнетки, хотя время от времени он может влюбиться в блондинку или рыжую. Идеи, в которые я влюбляюсь, всегда в чем-то похожи, их объединяет что-то, что мне трудно сформулировать. Но я думаю, что об этом не стоит задумываться. Каждый фильм являет собой оригинальное произведение, каждый фильм отличается от предыдущего, хотя между ними есть какие-то общие черты.

— В ваших фильмах постоянно присутствуют смерть и эротика.

— Я люблю высоты и пучины. Контраст — это прекрасно. Нельзя рассказывать историю, которая похожа на прямую линию. В жизни всегда есть повороты и изгибы, взлеты и падения, противостояния и объединения. Толь-

ко в такие истории можно влюбиться.

— Было время, когда вы каждый день ходили в кофейню Bob's Big Boy в Лос-Анджелесе. А сейчас вы туда заходите?

— Семь лет я приходил туда каждый день, в половине третьего, заказывал шоколадный коктейль и кофе, а затем пытался поймать идеи и записать их на салфетках. У «Боба» я поймал много идей. Но однажды я забрался в мусорный бак, стоящий на заднем дворе и посмотрел, из каких ингредиентов все это готовится. После этого я перестал туда ходить. Сейчас я захожу туда раз в год и заказываю их фирменный большой комбинированный бутерброд. Мне нравится.

— Вы снимались в киноверсии «Твин Пикс: огонь, иди со мной». Иногда вы засвечиваетесь на ТВ. Вам нравится играть?

— Мне нравится, но я очень плохой актер. Это так трудно. Для режиссера чрезвычайно важно попасть ненадолго на место актера. Начинаешь совершенно иначе относиться к актерской работе.

— Какими режиссерами вы восхищаетесь?

— Многими. Я люблю Феллини, Бергмана, Хичкока, Билли Уайлдера, Стэнли Кубрика, Жака Тати.

— Какие фильмы, помимо «8 1/2», вы любите?

— «Персона» и «Час волка» Бергмана. «Окно во двор» Хичкока — один из моих любимых фильмов. «Бульвар Сансет» и «Квартира» Билли Уайлдера, «Мой дядя» и «Каникулы господина Юло» Тати. Я люблю все фильмы Бергмана. Мне нравится «Строшек» Вернера Херцога.

— В молодости вы учились в художественной школе. О чем вы мечтали в то время?

— Стать художником, разумеется.

— Как же вы стали режиссером?

— Я занимался живописью в Академии изящных искусств Пенсильвании. Однажды я увидел, как одна из моих картин начала двигаться, издавать звуки. Я подумал: «Интересно, может быть, я смогу заставить ее двигаться и звучать в реальности?» Я решил превратить картину в анимационный фильм. Я ничего не знал об анимации, но взял напрокат кинокамеру и сделал объемный экран. Что-то вроде барельефа, на котором можно было менять композицию. Я показал этот фильм на конкурсе экспериментальной живописи и скульптуры в конце учебного года, в 1967-м.

— Что было изображено на картине?

— Шестеро человек, которых тошнит.

— Странная идея.

— Да, наверное. Но тогда

Экран и сцена —

№ 47 (617), декабрь 2001 года

— Сид, 13.

мне это не казалось странным. Фильм шел минуту. Секунд 45 эти шестеро пытались сдержаться, а потом...

– **Ясно. В те времена вы часто были под кайфом?**

– Вы имеете в виду наркотики? Нет-нет. Я никогда не принимал никаких наркотиков, кроме марихуаны. Друзья сказали мне, чтобы я никогда не пробовал наркотиков. Мне и марихуана не очень нравилась. Я курил марихуану раз шесть-семь в жизни. Не чаще, чем ел свеклу. Я предпочитаю кофе и сигареты.

– **Вы продолжаете рисовать?**

– Очень плохие, сырые картины, достойные жалости.

– **Абстрактные?**

– Иногда. В последнее время на этих картинах изредка появляются человеческие фигурки. Эти картины – мое личное дело.

– **Вы рисуете акварели или пишете маслом?**

– Я рисую разными способами (Смех). Часто я использую клей, цемент для черепицы, полиэстр, хлопок, марлю. Иногда я поджигаю какие-то куски моих картин. Я рисую на свежем воздухе, и солнце часто принимает участие в моей работе, подсушивая и прожаривая отдельные элементы. Вода, огонь, пыль и дым – очень важные компоненты моих картин.

– **Вы часто ходите в кино?**

– Когда человек занят чем-то одним, ему не хочется отвлекаться на другое. Вот уже два года я работаю над моей страничкой в Интернете (davidlynch.com). Надеюсь скоро ее запустить. Будущее – за Интернетом. Это все равно что иметь собственный телеканал и радиостанцию.

– **Что вы планируете разместить на вашем сайте?**

– Я собираюсь провести много экспериментов. Например, запустить парочку новых сериалов в формате streamline video. Качество видео в Интернете очень плохое. Но именно качество влияет на характер идей. Есть идеи, которые стоит рассказать при помощи изображения плохого качества. В определенном смысле слова плохое качество изображения очень красиво. Старые фильмы имели свое неповторимое настроение и атмосферу.

– **Что еще будет на вашем сайте?**

– Я собираюсь переработать свой старый комикс “Самый злой пес в мире”. Возможно, там будут мои картины.

– **А “Твин Пикс”?**

– Скорее всего, нет. У меня нет на него прав. Я даже не знаю, кому сегодня принадлежат права на “Твин Пикс”. Это очень грустно. Юристы разрезают этот город на лоскуты и сшивают их в произвольном порядке.

– **В вашей официальной биографии, помимо того, что вы родились в городе Миссула, штат Монтана, указывается только один личный факт: что вы были скаутом.**

– Я поместил туда эту информацию для моего отца.

– **А что ярче всего запомнилось вам в вашей скаутской карьере?**

– Когда мне было 15 лет, я принимал участие в инаугурации президента Кеннеди. Это произошло в мой день рождения. Один из охранников разрешил мне встать рядом с ним, когда из ворот Белого Дома выезжали лимузины. Это было незабываемое впечатление.